

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ XIX века ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Автор: Т. Н. КАНДАУРОВА

Кандаурова Татьяна Николаевна - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора культурологических проблем социализации Российского института культурологии.

ВОСПРИЯТИЕ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ РОССИИ ЕВРОПЕЙЦАМИ В 10 - 20- Х ГОДАХ XIX в.

Создание военных поселений в России в 10-х годах XIX в., как один из весомых реформационных проектов Александра I и элементов внутренней и внешней политики России, не могло не обратить на себя внимание Европы. По замечанию Главного над военными поселениями начальника графа А. А. Аракчеева от 1826 г., "это великое национальное начинание, уникальное и почти не знающее прецедентов, по праву привлекло внимание всей Европы"¹. Новый государственный институт изначально стал объектом пристального внимания правительств и представителей общественности европейских держав. Европейские правительства были впечатлены масштабами развития военно-поселенной организации России, которая получила ускоренное устройство после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии с 1816 - 1817 гг. И. И. Европеус, офицер пехотных поселений в 1820 - 1832 гг., писал: "Устройство военных поселений обратило на себя внимание иностранных держав. Ежегодно, особенно летом, приезжали аккредитованные лица; присутствовали, как водилось, сперва на параде, потом возили их повсюду, показывали церковь, манеж, юнкерскую школу, госпиталь, ферму, офицерские флигеля и общую для них столовую"². Новации императора Александра I в области развития хозяйственной базы армии вызвали озабоченность с их стороны. "Иностранные правительства, - утверждал в 1829 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин, - смотрели на сие учреждение с большим опасением"³. "К мероприятию Александра, - отмечал историк П. П. Евстафьев, - далеко не безразлично отнеслось не только русское общество, но и западно-европейские правительства. После наполеоновских войн военный престиж России необыкновенно усилился, и это обстоятельство вызывало большие опасения в военных и политических кругах Европы. В реорганизации армии на началах военного поселения иностранцы увидели новое опасное усиление военной мощи России"⁴.

¹ *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование, т. 2. СПб., 1903, с. 496.

² *Еuropeус И. И.* Воспоминания о службе в военном поселении и об отношениях к графу Аракчееву. - Аракчеев: свидетельства современников. М., 2000, с. 160.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее - РГВИА), ф. 405, оп. 2, д. 1444, л. 66.

⁴ *Евстафьев П. П.* Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934, с. 24.

В первый период развития российских поселений Европа была потрясена тем, что русский император начал активный перевод армии на положение военно-поселенных частей. Европейцев пугала мысль, что русская армия может значительно увеличиться и будет создан единый пояс системы военных поселений от Балтики до Черного моря. Создание пояса военных поселений позволило бы России эффективно защищать границы государства на западе и юго-западе. А также дало бы возможность иметь хорошо подготовленную, мобильную и снабженную всем необходимым армию и резервы на случай военных кампаний. По прогнозам некоторых иностранных корреспондентов численность поселенных войск России должна была возрасти до 5 - 6 или даже до 14 млн. человек⁵. При этом отмечалось, что это будет качественно новая армия, т.к. менялась система ее подготовки, комплектования и продовольствия. Подобные прогнозы закономерно вызывали повышенный интерес к системе военных поселений и желание до конца постичь суть реформационных начинаний российского императора. Европейским правительствам необходимо было принять адекватные ответные меры, выработать план действий на случай стремительного увеличения вооруженных сил России и роста угрозы для Европы.

В послевоенный период Европа была особенно обеспокоена укреплением позиций России на континенте, озабочена ростом ее авторитета на внешнеполитической арене и тем, что она становилась арбитром в системе европейских международных отношений. В данном контексте активное создание военных поселений пехоты и кавалерии в России рассматривалось европейскими правительствами в первую очередь с точки зрения роста ее военной мощи и желания укрепить еще больше свои позиции на континенте. В 1824 г. "Иенская литературная газета" в статье о сочинении английского врача, путешественника и агента Р. Лайелля о военных поселениях в России⁶ отмечала: "Военные поселения в России заслуживают внимания всей Европы потому, что, не требуя великих издержек, они возвышают наступательные силы сей неизмеримой империи до такой степени, которая через пятьдесят лет, сделает их неодолимыми... Тогда Россия с весьма малым иждивением, будет иметь армию всегда готовую к бою, независимо от бесчисленных выгод для хлебопашества, долженствующих превзойти непосредственными и посторонними путями"⁷.

Французский историк А. Рабб рассматривал создание системы военных поселений в России как заговор "против безопасности западных наций". В 1826 г. в исследовании об императоре Александре I он утверждал: "Всех европейских публицистов привлекло угрожающее новшество этой системы. Говорили, что через 15 - 20 лет она сможет предоставить России постоянную армию в 3 - 4 млн. человек. Англичане, более внимательные, чем мы, особенно в отношении того, что происходит в России, забили тревогу. Главным образом после сообщений их писателей наши газеты опубликовали подробности этого заговора". Определяя перспективы развития российской военно-поселенной организации, историк отмечал: "Появилась новая информация, из которой мы узнали, что в настоящее время развитие военных поселений не оправдывает надежд, возникших после первых успехов". Крестьяне сопротивлялись изменению социального статуса. "Во многих частях империи это сопротивление приняло характер открытого возмущения, уже предвидели необходимость отказа в будущем от больших

⁵ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 387; *Багалей-Татарина О.* Французские дипломаты и публицисты о русских и украинских военных поселениях первой половины XIX столетия. -Наукові записки науково-дослідчої катедри історії європейської культури, вып. 3. Харків, 1929, с. 117 - 132.

⁶ *Lyall R.* An Account of the Organization, Administration and Present State of the Military Colonies in Russia with an Appendix Containing Statistical Tables. London, 1824.

⁷ *Багалій О. Д.* Історія військових поселень в Україні.. З неопублікованої спадщини. Харків, 2007, с. 301 - 302.

надежд, связанных с этим проектом"⁸. А. Рабб неверно оценил перспективы развития поселенной организации в России: поселения кавалерии сохранялись до 1857 г. и еще 9 лет оставались в особом статусе южных поселений. Поселения пехоты в 30-х годах XIX в. получили статус округов пахотных солдат и существовали в таком виде вместе с кавалерийскими. Ликвидация поселений кавалерии и пахотных солдат произошла лишь при Александре II и была связана с общим курсом реформ императора⁹.

В мае 1824 г. лейпцигские "Литературные ведомости" в рецензии на книгу Р. Лайелля акцентировали внимание на авторском представлении о росте военно-поселенной организации в России. Во вводной части рецензии указывалось, что "вновь учрежденное военное поселение в России составляет такое явление, которое должно обратить на себя величайшее внимание каждого политика и наблюдателя состояния государств; а как доселе имели мы об оном только весьма поверхностные и неосновательные газетные известия и знали оно только по рассказам, то несколько подробнейшее описание о происхождении, о успехах и внешнем состоянии онаго, для публички конечно должно быть приятно"¹⁰.

Давая прогноз развития российской военно-поселенной организации, газета писала: "Император, говорят, имеет намерение, кроме гвардии, всю армию поселить таким образом... Ежели система сия приведется в исполнение на том основании как сделано начало сие, то может со временем в России составится население от 5 до 6 миллионов людей состоящих под законами отличными от тех, коим подчинены прочие соотечественники их, и отличающихся от прочих, одеждою, жилищами и образом жизни и даже сведениями своими превосходящих прочий русский народ". Рецензент отмечал, что "англичанин сомневается, чтобы удалось привести в исполнение весь план сей и приводит многие рассуждения о политических и моральных последствиях, кои клонятся не в пользу заведений сих"".

Развитие военных поселений вносило перемены в направленность внутренней политики России. Это была комплексная реформа, ведущая к трансформации многих сторон жизни общества. Правительства и общественность Европы пытались спрогнозировать последствия перемен для русского общества. Среди последствий отмечали расширение социальной базы российской власти за счет нового сословия военных поселенцев, укрепление позиций самодержавия с опорой на армию; трансформацию ментальности отдельных групп общества и особенности восприятия нового военно-поселенного института различными слоями русского общества;

внутреннюю социально-политическую ситуацию в стране; рост образованной прослойки в армии и среди крестьянского населения, формирование новой социальной страты или группы российского общества. Они указывали и на то, что поселения составят со временем вооруженную силу, которой невозможно будет ничего противопоставить в случае конфликтной ситуации или недовольства поселенцев. В поселениях ими усматривалась определенная дестабилизирующая сила или внутренняя угроза для существующего в России режима.

Для Европы российские поселения были также интересны в плане сравнительного анализа их со сходными системами квартирного размещения, содержания и подготовки армии. На Западе имелся свой опыт развития военно-поселенной организации. Схожие системы содержания и комплектования армии были в Австрии, Пруссии и Швеции. В работах иностранных авторов российские поселения наиболее часто сравнивались с австрийскими пограничными поселениями. При сравнении выявлялись их принципиальные отличия и сходства, определялись характерные черты и особен-

⁸ *Rabbe Alph.* Histoire d'Alexandre Ier, empereur de toutes les Russies, et des principaux evenemens de son regne, t. 2. Paris, 1826, p. 403 - 404.

⁹ *Ячменихин К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006, с. 163 - 186, 324.

¹⁰ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 383; *Багалій О. Д.* Указ. соч., с. 295.

¹¹ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 387 - 387об.

стр. 188

ности¹². Закономерным был и значительный интерес, проявляемый иностранными правительствами, авторами и корреспондентами к вопросам перспективности и эффективности развития военно-поселенной системы в России, а также последствиям социально-политического и социально-экономического характера.

Источниковая база избранной нами темы ограничена в силу объективных обстоятельств: поселенная организация была закрытой, посещение ее иностранцами было практически исключено, в отдельных случаях оно разрешалось с личного позволения императора¹³. Минимальная доступность и закрытость системы поселений тщательно сохранялись российским правительством на всем протяжении ее существования¹⁴. Лишь некоторые высокопоставленные иностранцы допускались в поселения и обязательно в сопровождении представителей поселенной администрации. Поездки иностранных представителей строго регламентировались. Составлялся даже специальный "Порядок осмотра" поселенных полковых округов¹⁵. В российской периодике 10 - 60-х годов XIX в. не допускались публикации о военных поселениях. Печатные материалы о них были только для служебного пользования и издавались малыми тиражами.

Иностранцы находились в полном информационном вакууме. Им приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы попасть в поселения. Их поездки в округа были кратковременными. Они не могли детально ознакомиться с условиями жизни в поселениях, изучить все особенности их развития и проанализировать сущность данного явления. Они могли лишь опосредованно познакомиться с поселенной системой, изучая ограниченно доступные документы и материалы отчетности, беседуя с представителями придворных кругов и офицерством, анализируя работы, появившиеся на Западе в 20-х годах XIX в. Конфиденциальность информации о поселенной организации сохранялась на всех уровнях управления. При нарушении данного положения, следовало детальное расследование и соответствующие выводы¹⁶.

Для получения информации и составления целостной картины развития поселений иностранцы пытались легально и нелегально проникнуть в округа поселений, получить документы и сведения из первых рук, от людей, связанных с этой системой, проинтервьюировать офицеров и самих поселенцев. Иногда их допускали или приглашали в поселения на Высочайшие смотры¹⁷. Смотры поселенных войск про-

¹² *Мармон О. Ф.* Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму, берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет, ч. 1. М., 1840; *Carl Freiherrn Y. von Pidoll zu Quintenbach.* Des colonies militaires de la Russie comparees aux confins militaires de l'Autriche. Paris, 1847, p. 32 - 57; *Desprez H.* Des colonies militaires de l'Autriche et de la Russie. - *Revue des Deux Mondes*, 1847, t. 19, p. 722 - 735.

¹³ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 366; *Давыдов Б. Б.* Записки Р. Лайелля о военных поселениях в России и отклики на них (по материалам ЦГВИА СССР). - *Советские архивы*, 1991, N 3, с. 102.

¹⁴ *Давыдов Б. Б.* Документы ЦГВИА СССР о путешествии маршала О. Ф. Мармона по военным поселениям. - *Советские архивы*, 1989, N 6, с. 79 - 80; *его же.* Документы РГВИА о посещении турецким послом Галильпашой военных поселений (1829 - 1830 гг.). - *Отечественные архивы*. 1995, N 6, с. 89 - 91; *его же.* Документы РГВИА о посещении персидским принцем Хозрев-Мирзой военных поселений. - *Исторический источник: человек и пространство*. М., 1997, с. 178 - 179; *его же.* Приключения итальянцев в России. Особенности посещения иностранцами военных поселений Российской империи в XIX в. по документам Российского государственного военно-исторического архива. - *Вестник архивиста*, 2010, N 1, с. 291 - 294; *его же.* Записки английского офицера Д. Э. Александра как источник по истории военных поселений конца 20-х годов XIX в. - *Современные тенденции в исследовании и преподавании новой и новейшей истории зарубежных стран*. Рязань, 2010, с. 241 - 242.

¹⁵ *Давыдов Б. Б.* Приключения итальянцев в России, с. 291.

¹⁶ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 369 - 371.

¹⁷ Записки графа А. Х. Бенкендорфа (1832 - 1837 гг.). - *Шильдер Н. К.* Указ. соч., т. 2, с. 743; *Давыдов Б. Б.* Военные поселения в России первой четверти XIX века в оценке прусского офицера. - *Вестник архивиста*, 2009, N 1, с. 152.

изводили сильное впечатление на иностранных представителей. Они не скоро могли успокоиться "от зрелища, для них столь неожиданного"¹⁸. Им показывали образцовые поселенные округа и селения, контрастировавшие с казенными и владельческими поселениями благоустройством, порядком и уровнем развития. Их знакомили с новой хозяйственной и социокультурной инфраструктурой.

Имеющиеся в распоряжении исследователей источники - донесения, записки, рапорты, доклады, рецензии, путевые заметки, статьи периодических изданий и другие материалы о российских военных поселениях иностранцев - многоплановы и разнообразны как по своему содержанию и манере представления материала, так и по трактовке новаций Александра I. Они дифференцируются по объему фактографического материала, информативной представительности, авторским оценкам и взглядам на значимость и перспективность поселенной организации. В зависимости от времени составления и написания и тех задач, которые ставились авторами, определялись подходы к анализируемой проблеме и делались выводы о развитии системы военных поселений в России. Многие авторы выполняли политический и социальный заказ, как это было в случае с дипломатическими представителями Франции, постоянно передававшими информацию для своего правительства. Отдельные корреспонденты и авторы следовали своим профессиональным интересам и анализировали лишь отдельные аспекты развития российской военно-поселенной системы. Общим для всех работ и донесений было то, что их авторы, констатируя факт изменения взаимоотношений между Россией и европейскими государствами, пытались определить значение нового явления российской действительности для Европы, для системы европейских международных отношений и для внутренней политики России¹⁹. Иностранные правительства и общественность обращались к опыту России и для того, чтобы оценить возможность и перспективность использования российских военно-поселенных практик в своих государствах. Именно поэтому в работах и отзывах иностранцев встречается сравнение системы русских военных поселений с пограничными поселениями Австрии.

МИД Франции собирал все доступные сведения об устройстве нового военного института в России. Французские дипломаты в Петербурге информировали Париж о новом проекте Александра I буквально с начала его реализации. Уже в 1818 г. МИД Франции получил от своего представителя из России "Проект учреждения о военном поселении кавалерии" 1817 г. - основной законодательный акт по устройству поселений. Французские дипломаты систематически снабжали Париж статистико-экономической и законодательной информацией о военных поселениях, чтобы правительство могло иметь полное представление о масштабах организации и перспективах развития вооруженных сил России в послевоенный период.

В 1821 г. Париж получил рапорт о Новгородских военных поселениях от своего поверенного в делах в Петербурге Буа-ле-Комта, подготовленный по поручению французского МИД. Источниками донесения были планы и проекты по организации поселений и личные наблюдения. От поселенцев дипломат узнал о восприятии ими реформы, о тяготах, испытываемых при переходе в новое положение. Поселяне жаловались, что их заставили носить военную форму, заниматься строевой подготовкой. По их мнению, реформа привела к "всеобщему обнищанию": "богатые стали бедными". Буа-ле-Комт в рапорте изложил и свои "небольшие личные впечатления от военных поселений". Он отметил, что "поселенцы не имеют еще вида настоящих солдат", а "общий вид поселений отличается сильно к лучшему от общего

вида этой унылой местности; в госпиталях в казармах господствует чистота, порядок и благоустройство, некоторым дефектом их является большая однообразность построек".

¹⁸ Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807 - 1829 гг.). М., 2006, с. 339.

¹⁹ Lyall R. Op. cit., p. III, IV.

стр. 190

В рапорте Буа-ле-Комт представил общие замечания о российской поселенной организации. Он считал, что "издержки на военные поселения были очень значительны", так как из доходов государства выпадали "те оброчные суммы, которые вносило крестьянство всех казенных сел, обращенных в военные поселения". Он приводит сумму по состоянию на 1820 г. - 70 млн. франков. Сумма сильно преувеличена. По мере развития поселений финансовые потери государства нивелировались доходами от продовольствия действующих частей от земли поселений. Проект стал для государства экономически рентабельным и прибыльным для казны.

Автор донесения утверждал, "что правительство, несмотря на все препятствия, достигнет своей цели - нужен только срок для того, чтобы подчинить крестьян их новому режиму, обучить их военному искусству". По мнению Буа-ле-Комта, поселенная система должна была принципиально изменить "дух русской армии". Она "выиграет в моральном отношении, - отмечал он, - но проиграет в военном, т.к. военный дух заменится духом семейственности, все крестьяне в поселениях и даже их жены получают, согласно плану, образование, все они освобождаются от крепостного права, их военная храбрость станет сознательной". Дипломат в рапорте указал причины и цели создания поселений. "Блестящие перспективы в области образования, а также ряд филантропических целей - обеспечение инвалидов и солдат на старости лет и их детей - овладели императором и руководили им при проведении в жизнь системы военных поселений, а отнюдь не жажда власти". Вместе с тем, он констатировал, что на практике все выходило не так, как хотелось императору: "Однако получился резкий контраст между обещанным положением и действительностью, тем "варварством" с каким проводится в жизнь этот филантропический план".

На полях рапорта Буа-ле-Комта были сделаны замечания неизвестным лицом. Сравнивая российские и австрийские поселения, автор отметил, что "в австрийских поселениях царит патриархальный быт, отеческий авторитет, что они связаны самым тесным образом с привычками народа, поэтому на австрийских границах царит атмосфера покоя и тишины, в России же совсем наоборот - это чисто военная организация, несущая с собою полное разрушение всех старых крестьянских обычаев и наследственных привычек". Неизвестного автора беспокоил также рост численности военных поселений. Их состав, по его прогнозам, достигнет в будущем 14 млн. Внутри страны военным поселениям не будет никакого противовеса, что очень опасно. Напротив, "в Австрии это - небольшая лишь часть общей армии, которая в случае

нужды сможет легко обуздать поселения".

В 1826 г. Париж получил от другого дипломатического агента Дрезе-Брезе записку "Сведения, полученные в октябре 1826 г. о военных поселениях кавалерии, устроенных на юге России". С разрешения императора и по ходатайству начальника округов кавалерии графа И. О. Витта Дрезе-Брезе с двумя французскими подданными посетил поселения в Херсонской губернии. Поселения были показаны французам лично графом. "Благодаря постоянному общению с графом Виттом, - справедливо утверждала О. Багaley-Татарина, - записка Breze значительно богаче фактами и цифрами, чем записка Bois-le-Comte".

Записка Дрезе-Брезе состоит из двух частей. В первой части он описал то, что смог увидеть. Дрезе-Брезе отметил неприятие поселенной системы крестьянами и казаками. При осмотре поселений иностранцам были показаны "школы, госпитали, конюшни, манежи, магазины - все те постройки, которые представляли из себя действительно сильную сторону военных поселений". Во второй части автор дал "ряд критических замечаний по поводу тех целей, которые преследует устройство в России военных поселений". Ссылаясь на графа Витта, Дрезе-Брезе утверждал, что "поселения были введены императором Александром отнюдь не для усиления военной мощи, а из чувства жалости к солдатам-инвалидам". Их главной задачей было "улучшение быта солдат", "упразднение рекрутчины". Военные поселения "должны были дать солдатам нормальную семейную обстановку". Стремление к экономии отметил Дрезе-Брезе в качестве другой причины введения военно-поселенной организации.

стр. 191

В своем донесении он представил расчет и показал, что прибыль от продовольствия 12 тыс. солдат и фуражное содержание их лошадей в поселениях приносит государству 2520 тыс. руб., а потери оброчных платежей крестьян, перешедших в поселенные округа, составили 1100 тыс. руб.; 150 руб. шло на прокорм лошади и 60 руб. на продовольствие кавалериста. Прибыль кавалерийских округов составляла 1420 тыс. руб. в год. Были сокращены, по его мнению, и первоначальные издержки на устройство поселения с 35 тыс. руб. до 8 тыс. руб.

Поселения кавалерии приносили государству прибыль в виде сокращения расходов на содержание действующих эскадронов. Но расчеты дипломата не были детальными и требовали уточнения и корректирования. Сумма содержания постояльцев-кавалеристов и их лошадей поселянским хозяйством варьировалась по годам, зависела от динамики цен, но всегда превышала в несколько раз доходы, которые приносили государству прежние оброчные статьи и повинности казенных крестьян, переведенных в поселения. Поселения кавалерии были рентабельными для государства и стабильно приносили казне доходы.

Дрезе-Брезе определил и положительные результаты устройства поселений. По его мнению, "император станет более независимым от дворянства", а "грубое, невежественное население даст возможность широко использовать его для выработки из него более искусных земледельцев, с одной стороны, и более культурных унтер-офицеров, с другой стороны". К положительным результатам устройства поселений французский агент отнес и стратегическое расквартирование русских войск. Он

полагал, что военное поселение в Херсонской губернии "по своему стратегическому положению является удобной военной базой для русских войск против Турции".

Дрезе-Брезе был информирован о разногласиях между главным начальником поселений гр. Аракчеевым и начальником поселений кавалерии гр. Виттом. Он отметил это в своей записке и добавил что "все офицерство разделилось на две партии, сторонников взгляда того и другого". Аракчеев был недоволен свободой действий Витта при организации поселений кавалерии. Дрезе-Брезе указывал, что граф Витт хотел смягчить "суровый режим": после отставки Аракчеева он намеревался "освободить всех военных поселян-хозяев от военных обязанностей для того, чтобы успокоить крестьян и дать им возможность заняться земледелием".

"Херсонские поселения, - резюмировал Дрезе-Брезе, - в своих основных базах не плохи, но их жители и войско требуют к себе очень умелого и осторожного подхода", а "привычка населения к повиновению и надлежащая ловкость помогут и в будущем избегать опасных моментов". И добавлял: "Относительно будущего их я предоставляю судить другим, колонии - филантропическое учреждение по своей идее - стали тиранией в реальности, или они явились, по выражению одного видного ума, либеральной идеею в деспотической оболочке".

Анализируя информацию записок агентов-дипломатов, О. Багaley-Татаринаова сделала вывод о совпадении личных впечатлений от осмотра военных поселений: "оба они выносят положительное впечатление от внешнего благоустройства поселений, оба вскрывают оппозиционное отношение к ним русского общества, оба пишут о тяжести внутреннего быта для поселенцев, оба одними и теми же словами определяют военные поселения, как тиранию с чисто филантропическими задачами. Breze значительно ближе, чем его предшественники, подошел к пониманию задач и целей устройства военных поселений правительством Александра I, к их финансовой стороне, политическому значению их... Оба информатора отнеслись, по-видимому, добросовестно к поставленной перед ними задаче и солидно обогатили ту сумму сведений о России, которой тогда располагало французское министерство, дав ему целый ряд существенных сообщений о военных поселениях России первой четверти XIX столетия"²⁰.

Помимо Франции военными поселениями интересовались и другие европейские государства. В 1819 г. в венском военном журнале была опубликована статья о воен-

²⁰ Багaley-Татаринаова О. Указ. соч., с. 115 124.

ном поселении в России "De la colonization militaire en Russie", представляющая "извлечение из проекта положения" о военном поселении. Весной 1819 г. генерал-майор граф Ф. Ф. Сиверс сообщил Аракчееву о данной публикации и переслал ему примечание редакции журнала к статье и саму статью. Он отправил начальнику поселений и выписку из австрийского журнала в Вене. Статья была призвана

"познакомить европейскую публику с экспериментом, проводимым в России", с "устройством военных поселений, в которых сочеталось занятие хлебопашеством, коневодством и военным делом".

Автор статьи одобрял и разделял новации императора Александра I. В своей корреспонденции он указывал: "Система поселения есть предмет, долженствующий обратить на себя внимание всей Европы. Приведение в действие сей меры, толико важной для благоденствия Государства, было бы одно достаточно, к утверждению славы Монарха, возымевшего, с толикою мудростию, мысль такого исполинского предприятия". По его мнению, "важность" данного мероприятия состояла в том, что оно позволяло отказаться от обременительных рекрутских наборов и увеличить народонаселение страны, перевести армию на самопродовольствие от земли поселений. Военнослужащие будут поселены "на особенной, единственно для них назначенной земле, долженствующей быть для них в то же время отчиною, местом жилища, собственностию и кругом действия. Сия военная полоса будет распространяться по всей широте России, начиная от Балтийского до Черного моря". Солдаты, занимаясь хлебопашеством, обеспечивали себя продуктами питания, сдавали излишки государству, и одновременно защищали отечественные рубежи. Резюмируя публикацию, автор отмечал, что "европейским державам следует уделить внимание подробному рассмотрению подобной системы колонизации, для возможного применения у себя. Во всяком случае, если подобный опыт так удачен в такой огромной стране как Россия, на таких больших территориях, не следует к этому относиться пренебрежительно"²¹.

В 1824 г. в Лондоне была опубликована книга английского врача, ботаника и путешественника Р. Лайелля "Доклад об организации, администрации и настоящем положении военных поселений в России с приложением, содержащим статистические таблицы". Лайелль, после окончания университета в Эдинбурге уехал в Россию, сблизился с лейб-медиком А. Крейтоном, а в 1815 - 1821 гг. занимался частной медицинской практикой в Петербурге и Москве. В 1822 г. он совершил путешествие по России, Крыму и Кавказу. Вернувшись в 1823 г. в Англию, он издал первую книгу о России "Национальный характер Русских"²². А в следующем году - книгу о российских поселениях. В феврале 1824 г. в лондонской газете "Курьер" была помещена статья с анонсом книги Лайелля о поселениях²³.

Лондонское издание вызвало ответные действия правительства России. Специальным циркуляром иностранцам запрещалось посещение округов поселений "без соизволения императора"²⁴. В южных поселенных полках "был учинен строжайший допрос полковых командиров"²⁵, которые предоставили в Штаб поселений свои рапорты и было установлено²⁶, что в 1822 г. через поселения проезжали "вожировавший по полуденной России граф Сализар и с ним в компании: маркиз Пуци, Шевалье Пелгрин и доктор Лиаль"²⁷.

²¹ РГВИА, ф. ВУА. т. 3, д. 17028, ч. 1, л. 1 - 16.

²² *Lyall R. The Character of Russians and a Detailed History of Moscow. London, 1823; Полиевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу. 1800 - 1830 гг. Тбилиси, 1946, с. 118 - 119; Корзун И. Роберт Лайелл и его "Национальный характер русских". - Зеркало истории. Личность в истории, вып. 4. М., 2000. с.*

²³ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 351.

²⁴ Там же, л. 366 - 368.

²⁵ Давыдов Б. Б. Записки Р. Лайеля о военных поселениях, с. 102.

²⁶ Багалій О. Д. Указ. соч., с. 293 - 294; РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 359 - 381.

²⁷ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 369об.

Английское издание стало первым аналитическим исследованием по военным поселениям России. На него ссылались многие мемуаристы и историки²⁸. Книгу Лайель написал на основе личного знакомства с поселенной организацией близ Новгорода и на юге страны. "Большая часть сообщаемых мною известий, - утверждал автор, - дошла до меня из самых достоверных источников; прочее ж есть плод собственных наблюдений, которые имел я случай сделать лично"²⁹. Некий джентельмен любезно предоставил ему собственное описание южных поселений - "Некоторое сообщение о системе военной колонизации на юге России, из наблюдений сделанных на месте в 1822 г."³⁰ В 1824 г. книга Лайеля была издана на немецком языке в Лейпциге³¹. Рецензии на книгу Лайеля были опубликованы в лейпцигских "Литературных ведомостях" и в "Иенской литературной газете"³².

В 1825 г. книга Р. Лайелля о военных поселениях в России вышла в Париже двумя изданиями³³. Одно из них сопровождалось предисловием и критическими примечаниями профессора школы артиллерийских и инженерных наук в Париже С. - Ж. Ферри, а другое - примечаниями издателя. "Текст г-на Лиалля, - отмечал С. - Ж. Ферри, - о военных поселениях России во всех отношениях заслуживает того, чтобы его перевели на наш язык. Военные, а возможно, и государственные деятели, найдут здесь документы, чья польза им хорошо известна. Автор не военный, но он производит впечатление человека правдивого и хорошо информированного... Можно сказать, что г-н Лиалль исправил много предубеждений о новых военных формированиях России". И добавлял: "трудно было предположить, что Россия, которая до сих пор только заимствовала, создала учреждения, которые могли бы существовать в других странах, и могла бы служить им моделью"³⁴.

В лейпцигской рецензии автор не только дал оценку работе Р. Лайелля, но и позволил вступить с ним в полемику, высказав свое отношение к поселениям. Иенская "Литературная газета" дала критическую оценку работе англичанина, а представленные автором сведения были охарактеризованы, как не вполне достоверные³⁵.

В 1825 г. в Париже в "Газете политических и литературных дебатов" появилась статья Ж. Фьеве о русских военных поселениях, а "Всеобщий бюллетень наук и промышленности" опубликовал записку офицера одного из немецких государств -

"Новые разыскания о военных поселениях в России (Извлечение из рукописи одного сообщения)"³⁶. Работа немецкого автора была подготовлена на основе изучения двух поселенных полков в Новгородской губернии и отчета по поселениям за 1822 г., который автору предоставили офицеры Первой Гренадерской дивизии. По мнению историка Б. Б. Давыдова, автором записки мог быть "пруссский офицер - майор Тун"³⁷.

²⁸ *Rabbe Alph.* Op. cit., p. 411; *Александр Д. Э.* Путешествие к восточному театру военных действий через Россию и Крым в 1829 году. - Человек, 1991, N 4, с. 197.

²⁹ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 351об. - 352.

³⁰ *Lyall R.* An Account of the Organization, Administration and Present State, p. III-IV; РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 351 - 358.

³¹ *Lyall R.* Die russischen Militar- Colonieen, ihre Einrichtungen, Verwaltung und gegenwartige Bechsaffenheit. Leipzig, 1824.

³² *Багалій О. Д.* Указ. соч., с. 295 - 302.

³³ *Lyall R.* Notice sur L'organisation, l'administration et l'etat present des colonies militaires de la Russie, avec un Appendice contenant diverses notions statistiques, traduite de l'angl., et suivie d'observations sur les resultats probables de l'etablissement de ces colonies par C. -J. Ferry. Paris, 1825; *idem.* Essai historique sur le systeme de colonisation militaire de Russie, trad. de l'angl., de l'ouvrage ayant pour titre "Sur L'organisation, d'administration et l'etat actuel des colonies militaires nouvellement etablies en Russie". Suivi d'un Appendice de 14 pieces relatives a la Russie. Paris, 1825.

³⁴ *Lyall R.* Notice sur l'organisation, l'administration et l'etat present des colonies militaires de la Russie, p. V-VI.

³⁵ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 383 - 391.

³⁶ *Багалей-Татарина О.* Указ. соч., с. 129; РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 409, л. 767 - 778.

³⁷ *Давыдов Б. Б.* Военные поселения в России первой четверти XIX века в оценке прусского офицера, с. 151.

Р. Лайелль отмечал, что система русских поселений формирует совершенно новые отношения между Россией и Европой, "составляет новую эпоху в истории сего государства, в истории всей Европы, и скажу даже, целого света"³⁸. Военные поселения, по его данным, планировалось устроить на пространстве от Петербурга вдоль границы с Польшей и до границ с Турцией. Россия желает стать всеобщим диктатором, и это должно привлечь к ней взоры всей Европы. Во введении к работе он подчеркивал актуальность внимания к России со стороны Европы. По его словам, он

был проникнут "важностью этих новых военных поселений"³⁹.

Первые опыты военного поселения в Новгородской губернии, отмечал Р. Лайелль, "произвели там некоторые беспорядки и мятежи", но правительство "привело крестьян в покорность, не потушив однако ж совсем между ими духа возмущения". Он также дал обоснование происхождению и цели создания "необыкновенной системы поселения". Большие расходы на армию "побудили Императора Александра, вскоре по окончании последней войны, прилежно заняться средствами, содержать свои войска с возможным сбережением казны"⁴⁰.

Определяя исторические типы колоний, автор обращал внимание на то, что "совершенно особым видом являются военные поселения России и Австрии, которые являются ничем иным, как превращением гражданского рабства в военное"⁴¹. Раскрывая инициативу идеи, Р. Лайелль сообщал, опираясь, вероятно, на утвердившееся тогда в российском обществе мнение, что Аракчеев первым предложил императору идею поселения армии "по квартирам у казенных крестьян", "строительства военных деревень по регулярным планам", "наделения каждой семьи землей" и составления специального "законоположения" для управления новыми поселениями. Он также предполагал, что "если настоящий план будет продолжен, то со временем все военные силы России будут поселены на границах Польши и Турции, и неподалеку от Горного Кавказа". Автор обращал внимание и на тот факт, что император Александр I рассматривал их как наиболее важное средство продвижения к быстрому усовершенствованию и цивилизации его империи⁴².

Р. Лайелль показал организацию поселений и высказал ряд соображений относительно цели их устройства и политических последствий. Он детально обозначил процесс организации поселений на базе казенной деревни. Для поселян выстраивались "новые дома, отделяющиеся один от другого довольно просторным двором, и каждому хозяину-поселенцу отводится 15 десятин земли". Офицер поселения должен был распределять семейных солдат к крестьянам, не имевшим семейства, "и вообще стараться согласовывать по возможности обоюдные их выгоды"⁴³. Затем Р. Лайелль представлял новый облик и строевые обязанности поселянина-хозяина. Хозяин-поселянин носил форму, учился маршировать, владеть саблей, и должен был приветствовать своих офицеров. Он мог избрать себе в помощники одного из сыновей, родственников или приятелей, который становился его наследником, но его выбор утверждал командир полка. Если хозяин-поселянин имел много сыновей, то старший мог поступать в помощники отцу, второй - в запасные и жить в доме, примыкавшем к

³⁸ *Lyall R. An Account of the Organization, Administration and Present State of the Military Colonies in Russia*, p. III; РГВИА, ф. 405, он. 1, д. 247, л. 35об.

³⁹ *Lyall R. Notice sur l'organisation, l'administration et l'etat present des colonies militaires de la Russie*, p. VIII.

⁴⁰ РГВИА, ф. 405, он. 1, д. 247, л. 352 - 353; *Lyall R. An Account of the Organization, Administration and Present State*, p. 18 - 22.

⁴¹ *Багалеи-Татарина О. Указ. соч.*, с. 125; *Lyall R. An Account of the Organization, Administration and Present*

State, p. 3 - 16.

⁴² *Lyall R. An Account of the Organization, Administration and Present State*, p. 18, 19, 41; *Багалій О. Д. Указ соч.*, с. 295 - 296.

⁴³ *Lyall R. An Account of the Organization, Administration and Present State*, p. 22 - 24; РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 354 - 354об.

стр. 195

хозяйскому; третий поступал в солдаты-земледельцы, а остальные оставались кантонистами-мальчиками.

Представляя организацию поселений и обязанности поселян, путешественник допускал ряд неточностей. В поселяне-хозяева в кавалерии назначались крестьяне не старше, а моложе 50 лет - местные жители в возрасте от 18 до 45 лет⁴⁴. В поселениях пехоты в хозяева определялись старослужащие солдаты со сроком службы более 15 лет и возрасте до 50 лет. Хозяйства в поселениях кавалерии старались по возможности формировать на родственных началах. Основными критериями при назначении главы хозяйства были имущественное состояние, возраст и пригодность к военной службе. В хозяева назначали состоятельного коренного жителя, имевшего не менее четырех рабочих волов. При формировании интегрированного поселянского хозяйства учитывали наличие рабочего и продуктивного скота и у помощника. Укрупненная хозяйственная единица имела хороший производственный потенциал, продовольствовала и обеспечивала необходимым солдат-постояльцев⁴⁵. Подобный принцип организации хозяйственных структур поселений позволил казне получить ощутимый экономический эффект от поселенной кавалерии⁴⁶.

Р. Лайель первым определил солдата-постояльца из действующих частей как солдата-земледельца, так как в свободное от службы время и лагерных сборов он активно помогал поселянину-хозяину во всех хозяйственных работах. Солдаты-земледельцы, как отмечал автор и вслед за ним лондонская газета "Курьер", "составляют действительную силу поселений и со временем соделаются истинною подпорою Государства". "Ему надлежало исправлять двоякую должность солдата и поселянина в продолжении 25 лет, если он русской, и 20 лет, если из поляков"⁴⁷. Р. Лайель также обозначал солдат-земледельцев как земледельцев-солдат⁴⁸. Вслед за ним Фьева выделил в составе военных поселян две основные категории служилого состава: земледельца-солдата (поселянин-хозяин и его помощник) и солдата-земледельца - солдат-постоялец, т.е. дифференциация осуществлялась в зависимости от приоритета его деятельности - аграрная сфера или военная служба⁴⁹.

Р. Лайель представил в своем исследовании положение и обязанности резервного состава поселений. Запасной или солдат резерва обозначен им как "второй солдат-земледелец". Он служил как солдат, "дабы в последствии мог во всех отношениях заменить поселенца, служившего ему образцом, и в случае опасности, войти в состав резервной армии". Он трудился на земле или мог выбрать себе ремесло портного, сапожника и т.п. Вместе с тем англичанин рассмотрел статус и занятия детей военных поселян-кантонистов, разделив их по возрастным группам. До 8 лет мальчики оставались при своих родителях, с 8 лет посещали школу и "они принадлежат уже

государству, носят мундир и считаются солдатами". "Образование детей составляет очень важную черту в системе", - писал Р. Лайелль. В школах взаимного обучения они учатся читать, писать и арифметике, осваивают катехизис об обязанностях солдата⁵⁰.

⁴⁴ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 7, л. 23 - 45об.; д. 59, л. 308 - 680; Правила для руководства при выборе в кавалерийских полках воинских чинов в состав поселяемых эскадронов. Правила о переходе коренных жителей в военные поселяне округа военного поселения кавалерии. СПб., 1817.

⁴⁵ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 51, л. П8об., 309, 343, 621.

⁴⁶ *Кандаурова Т. Н.* Военные поселения в России: аспекты экономической истории. - Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001, с. 559 - 606.

⁴⁷ *Lyall R.* An Account of the Organization, Administration and Present State, p. 25 - 26; РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 355 - 355об.

⁴⁸ *Lyall R.* An Account of the Organization, Administration and Present State, p. 42.

⁴⁹ *A.E. (Adrien Egron).* Vie d'Alexandre Ier, empereur de Russie, suivie de notices sur les grandsducs Constantin, Nicolas et Michel. Paris, 1826, p. 287.

⁵⁰ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 247, л. 355об. - 356об, 371 - 371об; *Lyall R.* An Account of the Organization, Administration and Present State, p. 26 - 29.

Рассматривая социальную организацию поселений, Р. Лайелль выделял 9 категорий военных поселян: поселяне-хозяева, помощник, солдат-земледелец, резервный, кантонисты с разделением на три возрастные категории, женщины, инвалиды. Он также представил структуру и управление округов поселений кавалерии в районе Херсона, Харькова и Екатеринослава, систему судопроизводства, способы поддержания порядка в селениях, дал расчет содержания солдат-постояльцев и лошадей. В 1822 г., по его данным, округа поселений в южной России занимали 380 деревень. Показал Р. Лайелль и изменение образа жизни и быта населения поселений. Железная рука русского деспотизма, по его мнению, наложила на русского крестьянина новое рабство и отняла прелесть семейной жизни. При этом поселяне вспоминали свое прежнее гражданское рабство, как свободное состояние. Он писал и том, что проект поселения отвергается всеми классами, всем общественным мнением, крестьянство в ужасе, армия их презирает, все дворянство настроено против него оппозиционно. Дворянство также видело в них "опасность для государства"⁵¹. Все это, как считал Р. Лайелль, создает предпосылки для распада империи. Популярный полководец, будучи во главе дисциплинированной армии, сможет свергнуть правительство во главе с императором, это особенно легко осуществить в южных губерниях, что может иметь место при слабом монархе. "Сильный монарх может бросить эту железную армию на своих соседей, он может тогда опрокинуть все троны, свергнуть все династии!" Это возможно только при полной реализации плана

поселения, когда в России будет армия в 5 млн. солдат. Мощная русская армия, заключал Р. Лайелль, "должна явиться предметом серьезных размышлений для всей Европы"⁵².

В описании своего путешествия 1822 г. англичанин указывал: "Основной чертой военных поселений является организация удельных крестьян в громадную армию, которая во времена мира занимается земледелием, а в военное время составляет сухопутные силы империи. Речь идет фактически о том, чтобы иметь солдата-земледельца, который сам себя кормит и содержит, или, по крайней мере, очень мало стоит короне, когда несет военную службу"⁵³. Под впечатлением от знакомства с поселениями близ Новгорода он признался, что "должен был отказаться от своего взгляда на несовместимость военного искусства с земледелием"⁵⁴.

На Европу работа Р. Лайелля произвела сильное впечатление. Однако в "Иенской литературной газете" отмечалось, что изданное описание российских поселений "не совсем достоверное": "Г. Лиалль, который мимоходом сказать, видит и говорит как англичанин, утверждает, что в южной России 380 деревень употреблены на кавалерийские поселения, и что там устроено 12 уланских полков, о пехотных же колониях в Северной России (Новгородской губернии) положительных сведений не сообщает, хотя сии поселения гораздо значительнее. Вообще дело сие все еще продолжается, и должно полагать, что поселения составлять будут непрерывную линию"⁵⁵. Далее рецензент, определяя перспективы поселений в России и корректируя их возможную численность, указывал: "Из превосходного сочинения Гизингера⁵⁶ нам известно теперь, в ратном отношении, возможность военной границы Австрии, которая из одного почти миллиона жителей, может в случае нужды, выставить сто тысяч обученных солдат. Это определяет меру того, что произведут некогда Российские военные поселения, коим Австрийские служили образцом". Реагируя, вероятно, на тезис о строгости режима в поселениях для населения, он писал: "Но сия строгость ощутительна толь-

⁵¹ *Lyall R. An Account of the Organization, Administration and Present State*, p. 29 - 41.

⁵² *Багалеи-Татаринова О. Указ. соч.*, с. 125 - 127.

⁵³ *Thomas P., Lyall R. Voyage en Russie. Saint-Petersbourg - Moscou - La Baltique - Odessa - Sebastopol - Caucase*, etc. Paris, 1854, p. 28.

⁵⁴ *Багалеи-Татаринова О. Указ. соч.*, с. 126.

⁵⁵ *Багалий О. Д. Указ. соч.*, с. 302.

⁵⁶ *Hietzinger C.B. Statistik der Militargrenze des Osterreichischen Kaiserthums*, Bd. 1 - 2. Vienna, 1817 - 1823.

ко для настоящего поколения, через пятьдесят лет все пойдет своим порядком, как в Австрии, только заметить должно, гораздо в большем пространстве". Аргументируя выгоды поселенной системы, рецензент делал заключение, что тогда Россия не будет нуждаться в рекрутских наборах, которые дают результат не ранее полугода и рекруты гибнут в дороге к месту службы; страна "с весьма малым иждивением, будет иметь армию всегда готовую к бою, независимо от бесчисленных выгод для хлебопашества, долженствующих превзойти непосредственными и посторонними путями".

Характеризуя информативную представительность исследования английского путешественника, рецензент лейпцигских "Литературных ведомостей" отмечал: "Описанные им события, конечно, весьма интересны и оставалось только пожелать, чтобы описание сие было несколько по подробнее" по отдельным аспектам развития военно-поселенной системы. Здесь он выделял отношение солдата к хозяину; каким количеством земли владел до поселения хозяин, сохранилось ли прежнее земельное владение у него, достаточно ли рабочих рук для обработки такого количества земли, данные о производительных силах крестьянского хозяйства; из каких средств оплачивается устройство поселений, будут они убыточными или прибыльными⁵⁷.

После детального знакомства с опытом развития поселенных структур России некоторые иностранные авторы постепенно отказались от мысли о том, что они представляют значительную военную угрозу для Европы. Уже в 1824 - 1825 гг. французский военный специалист Ферри, говоря о книге Р. Лайелля, отвергал мысль о военных поселениях, как о значительном внешнеполитическом факторе для европейского сообщества. "Многие в Европе были введены в заблуждение, - утверждал он, - и, судя о военных поселениях по их только названию, решили, что их нужно ввести и в других государствах, приняв русские поселения в качестве модели". Ферри в рецензии отмечал: "Эта маленькая работа Лайелля рассеет предрассудки и заставит отказаться от ложных мыслей относительно проведения этого плана во Франции"⁵⁸.

Автор записки "Новые разыскания о военных поселениях в России" сделал похожее заключение. Он отметил, что не следует бояться быстрого увеличения военных поселений в России, так как его аналитические проработки показывают наличие различных неблагоприятных факторов и условий для быстрого развития этой организации: демографические факторы, финансовое положение страны, растущее недовольство поселенцев новой системой, угнетенных новым положением. О том же писал и рецензент "Иенской литературной газеты": "Кроме России никакое другое государство в Европе в не состоянии подражать таковому учреждению, да и в сей Империи не могло обойтись без строгих мер, хотя и избегло упрека в несправедливости"⁵⁹.

В рецензии Ферри представлялся ряд "весьма существенных дополнений и корректив" к работе английского путешественника. Р. Лайелль, по его мнению, "совершенно не осветил таких существенных вопросов, как административно-хозяйственный строй военных поселений, роль унтер-офицерства и офицерства в них, он не указал на то, какое существенное финансовое значение имело для русской казны прекращение внесения податей крестьянами, переходящими в военные поселения, он не достаточно учитывает значение военных поселений в культурном отношении". По его определению, военные поселения в России являлись продуктом внутреннего развития, государственного строя страны и не могли быть устроены "по их образцу ни в каком другом государстве". "Они связаны самым тесным образом с особенностями русского

монархического строя и принесут России все то благо, на какое они способны: дадут известную экономию государству, распространят в армии просвещение, внесут культуру в те местности, где они устроены". Он также не соглашался с мнением Р. Лайелля об опасности российских поселений и спорил с ним по вопросу политических

⁵⁷ Багалій О. Д. Указ. соч., с. 300 - 302.

⁵⁸ Lyall R. Notice sur L'organisation, l'administration et l'etat present des colonies militaires de la Russie, p. 52 - 57; Багалей-Татарина О. Указ. соч., с. 127 - 128.

⁵⁹ РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 409, л. 767об. - 768; д. 247, л. 392.

стр. 198

прогнозов в отношении Европы. Ферри считал, что судьбы Европы не были связаны с российской военно-поселенной организацией, они ей ни в коей мере не угрожали, как не содержалось в них угрозы и для самой России. Поселения также не могли стать источником переворотов и разделения России, о чем писал Лайелль в своем исследовании. Опасность, о которой сообщал англичанин, французский профессор считал весьма призрачной⁶⁰.

В год издания книги Р. Лайелля в Париже в "Газете политических и литературных дебатов" была опубликована статья писателя Ж. Фьева "Военные поселения". В 1826 г. А. Эгрон перепечатал ее в своем исследовании о жизни Александра I⁶¹. По мнению О. Багалей-Татариневой, автор статьи дал оценку военным поселениям "с оригинальной и мало обоснованной точки зрения": он полагал, что "тот общий процесс в Европе - переход от рабства через вассальство к гражданству - наконец коснулся и России, произошло освобождение государственных крестьян (6 млн.)"⁶². "Превратить всех земледельцев в солдат, а солдат - в земледельцев, такова общая цель этой операции", - утверждал писатель. "Если этот проект распространить на всю армию, - размышлял он, - можно было бы насчитать от 5 до 6 миллионов земледельцев-солдат и солдат-земледельцев, обрабатывающих землю, проводивших военные учения, обучающихся и размножающихся, не требуя увеличения бюджета". Это, как он предполагал, приведет к увеличению боеспособного населения, избавит "корону от большей части расходов на содержание армии", поможет "организовать мощные военные силы, занимающиеся сельским трудом во время мира, а в военное время - выполнять необходимые военные действия" и "распространять цивилизацию".

Ж. Фьева показал принципы организации военных поселений в России, представил их социальную структуру и выделил категории военных поселенцев. Он также постарался ответить на вопросы: "Каким может быть эффект от создания русских военных поселений для Европы?" и "Каким может быть воздействие военных поселений на внутреннюю жизнь России?" Давая оценку поселенной организации, он отмечал, что "в течение многих лет эта система поселений развивалась с целью поддержания в хорошем состоянии военной силы, превышавшей все военные силы Европы. Поддержание такого гигантского поселения стоило чрезмерных сумм; система

нарушала привычки солдат и крестьян, живших в поселениях, и главное, она вносила беспокойство и недовольство в умы". Власть должна будет сделать "выбор между необходимостью содержать военные силы империи и настоятельной финансовой потребностью значительно сократить их число". Фьеве считал поселения разорительными для России⁶³. Но он хвалил их внешнее благоустройство и придавал "им большое значение и с точки зрения развития цивилизации в России"⁶⁴.

В 1826 г. в Париже вышла книга А. Рабба "История Александра I, императора России". По его мнению, амбиции русского императора в роли модератора судеб Европы, руководителя и души Священного Союза, заставили его "с неудовольствием рассматривать плачевное состояние финансов" и думать о содержании армии в 800 000 человек, чтобы его роль арбитра Европы не стала иллюзорной. В исследовании автор показал, как Александр I пытался уменьшить расходы на содержание армии (сокращение кадров некоторых батальонов 1 и 2 армий, предоставление отпуска служащим офицерам на 5 месяцев и др.)⁶⁵. Из-за недостаточности этих мер, как считал Рабб, решили ввести военные поселения. Далее он представил процесс развития поселений в России, устройство поселенных округов, земельные ресурсы поселянских хозяйств,

⁶⁰ Багалеи-Татарина О. Указ. соч., с. 128; Lyall R. Notice sur l'organisation, l'administration et Petat present des colonies militaires de la Russie, p. 52, 60 - 61.

⁶¹ А.Е. (Adrian Egron). Op. cit., p. 283 - 295.

⁶² Багалеи-Татарина О. Указ. соч., с. 129.

⁶³ А.Е. (Adrien Egron). Op. cit., p. 285 - 293.

⁶⁴ Багалеи-Татарина О. Указ. соч., с. 130.

⁶⁵ RabbeAlph. Op. cit., t. 2, p. 401 - 403.

социальные группы поселян, обучение детей поселян. В работе имеются ссылки "на брошюру Lyall, влияние последнего чувствуется в целом ряде замечаний Rabbe"⁶⁶. Исследователь определял военные поселения как "своего рода питомник по выращиванию солдат". "Некоторые русские писали, - указывал он, - возможно, не без влияния правительства, пытаясь опровергнуть существующие замечания: "Европу вводят в заблуждение; для волнения нет повода; мы хотим только воспитать земледельцев. Мы приучаем наших крестьян к военной дисциплине, чтобы создать привычку к порядку и точности, поскольку из хорошего солдата получится работающий земледelec. Это обходной путь цивилизации, но он соответствует духу нашего народа". Русский народ, по заключению автора, отвергал устройство военных поселений, и "преемник Александра будет вынужден их уничтожить для сохранения

власти"⁶⁷.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ПРЕССА О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ В РОССИИ В 30 - 40-х годах XIX в.

Интересную информацию о военных поселениях России содержат записки путешественников, посещавших Россию в 30 - 40-х годах XIX в. В 1840 г. в Петербурге был издан перевод первого тома "Записок" французского маршала, герцога Рагузского Огюста Фредерика Луи-Виесс де Мармона, побывавшего в Новороссийских поселениях в мае 1834 г. Это было не первое знакомство маршала с российской действительностью. В 1826 - 1827 гг. он был послан в России и жил "несколько месяцев в Петербурге и Москве"⁶⁸. Книга вышла в России с купюрами. Цензура изъяла критические замечания автора и сравнительные оценки австрийских граничарских поселений и русских военных поселений. Сюжет о южных поселениях был подготовлен Мармоном на основе увиденного им на местах и критического осмысления опыта развития поселенной организации. Записки интересны для исследователей, так как маршал был представителем военной элиты Франции, человеком, хорошо знавшим военное дело. Путешествие по округам поселенной кавалерии Мармон совершил с разрешения Николая I⁶⁹. В поездке его сопровождал начальник военных поселений кавалерии Витт. Организаторские и административные способности графа были высоко оценены Мармоном: "Его ум, просвещенный, основательный и обширный, его превосходная рассудительность и непостижимая деятельность создали военные поселения. Он оказал этим великую услугу Русскому государству, потому что это удивительное учреждение представляет чрезвычайные выгоды и Государю и народу"⁷⁰.

Позднее были опубликованы записки А. Гакстгаузена и А. Н. Демидова. В них также нашли отражение сюжеты о военных поселениях в России⁷¹. Их книги, как и записки Мармона, были составлены на основе личных впечатлений и знакомства с материалами, предоставленными руководством поселений кавалерии. Прусский экономист и юрист А. Гакстгаузен путешествовал по России с марта по ноябрь 1843 г. В 1847 г. были изданы на немецком языке два тома его записок, третий том вышел в 1853 г.⁷² Во время поездки по России он познакомился с Украинскими поселениями близ Харькова. Поселения кавалерии интересовали его в первую очередь как хозяйственная организации и экономический институт. Состоявший при российских посольствах в Париже, Риме и Вене, А. Н. Демидов, потомок русских горнозаводчиков Деми-

⁶⁶ Багaley-Татарина О. Указ. соч., с. 130.

⁶⁷ Rabbe Alph. Op. cit., t. 2, p. 413 - 414.

⁶⁸ Мармон О. Ф. Указ. соч., с. XVII, 145.

⁶⁹ Давыдов Б. Б. Документы ЦГВИА СССР о путешествии маршала О. Ф. Мармона, с. 80.

⁷⁰ Мармон О. Ф. Указ. соч., с. 144.

⁷¹ Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию, Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым. М., 1853; Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России барона Августа Гакстгаузена. М., 1869.

⁷² Гакстгаузен А. Указ. соч., с. VII, XI.

довых, посетил Новороссийские поселения в 1837 г. и присутствовал на Высочайшем смотре войск в г. Вознесенске в Бугской уланской дивизии.

Повествуя о военных поселениях в России, маршал Мармон отмечал, что при них "исчезли многие несовершенства, которые ослабляли ее силу и замедляли, делали неверными пособия рекрутских наборов". Он также обосновал положение о том, что "Россия, по своему могуществу играя важную политическую роль, принуждена содержать во время мира армию, гораздо многочисленнейшею нежели другие Европейские государства, где народонаселения, сближенные на пространстве не обширном, могут быстрее поставить свои армии на военную ногу". При этом, по его мнению и расчетам, содержание Россией огромной армии обходится ей дешевле, чем другим странам.

Маршал побывал в Вознесенске, в селениях поселенных полков - Константиновке, Благодатном, Лысой горе, Ольшанке, Добрянке, Ново-Архангельске. Восхищаясь устройством поселений, он писал: "С неизъяснимым удовольствием начинал я видеть, как осуществлялось все, что рассказывали мне о военных поселениях". Он осматривал дома поселян, госпитали, учебные заведения, конские заводы, учения эскадронов Бугского полка и кантонистов. Посмотрев эскадронные строевые занятия, он заключал, кавалеристы "отлично знают и эскадронное ученье, и одиночное". Про эскадроны Одесского полка он сделал также восторженную запись в своих путевых заметках: "Эти эскадроны решительно не оставляли ничего желать: можно было только удивляться им во всех отношениях". Остановившись в Ново-Архангельске, Мармон посетил четыре эскадрона уланского полка, и результат резюмировал следующими словами: "Могу повторить тоже, что сказано о других полках. Не может быть лучшей кавалерии: она доведена до совершенства". Очень впечатлил маршала конский завод полка в с. Добрянке: "строения обширные, удобные, но без всякой роскоши. Здесь все сделано для пользы, и ничего для глаз. Таков собственно характер военных поселений. Ничем не пожертвовано обольщению, *эффекту*; все устроено для пользы, в духе благоразумной экономии, и с большой рассудительностью. Здешний завод дает превосходных лошадей, породных кровных и рослых". Конские заводы в поселениях кавалерии ремонтировали полки строевыми лошадьми и сокращали расходы на их приобретение. По его расчетам с 1837 г. казна ничего не будет тратить на полковые ремонты, и они будут здесь самыми масштабными в России и Европе. Одновременно Мармон отметил и хорошее хозяйственное состояние поселенных округов - ухоженные и возделанные поля, отличный хозяйственный инвентарь и орудия труда, хорошее скотоводство, стада здесь пребывали в лучшем состоянии в засуху, чем на соседних территориях, что обеспечивалось обязательными фуражными запасами округов⁷³.

Европейцы подчеркивали, что поселения выглядели как благоустроенные центры и разительно отличались от смежных с поселениями территорий. Формирование нового культурного ландшафта, изменение культуры хозяйствования и быта, чистота, благоустройство и порядок производили на них сильное и неизгладимое впечатление и не могли не остаться незамеченными. Это было одной из сильных сторон российской военно-поселенной организации. Приятное впечатление на гостей производили и сами поселяне, их внешний вид, форменная одежда и лучшее по сравнению с соседними селениями и регионами благосостояние.

Посетив эти же поселенные округа на три года позже Мармона, Демидов был впечатлен организацией военного дела и хозяйственной стороной поселений, масштабами армейского смотра, проходившего тогда в г. Вознесенске, и подготовкой округов гр. Виттом для этого мероприятия. Готовились для приема императора, высоких российских гостей и гостей из Европы зимой-весной 1837 г. На смотре, по воспоминаниям гр. А. Х. Бенкендорфа и других очевидцев, присутствовали кроме особ царствующего дома, российского генералитета и иностранные представители. Здесь были: австрийский эрц-герцог Иоганн, прусские принцы Август и Адальберг, принц Фридрих Виртембергский, герцог Бернгард Веймарский с сыном, герцог Лейхтенбергский

⁷³ Мармон О. Ф. Указ. соч., с. 148 - 180.

из Баварии, австрийский посол и генералы, английский генерал Арбутнот, от султана Мушир-Ахмет-Паша с офицерами и др.⁷⁴ Европа опять с опасением смотрела на армию России. "Этот огромный военный сбор сильно занял чужестранные журналы и навел беспокойство на кабинеты парижский и лондонский, при вечной их подозрительности к России. Австрия и Пруссия, хотя им ближе были известны планы нашего правительства, тоже, однако, остались не совсем довольны показом с нашей стороны таких сил и, в завистливости своей, всячески старались уверить и себя и других, что тут гораздо менее войска, чем утверждают, и что притом оно дурно обучено. Одна Турция, вполне доверяя императору Николаю, как своему благодетелю и спасителю, не обнаруживала никакого неудовольствия против такого чрезвычайного сбора войск близ ее границ, а посол султана с многочисленною своею свитой видел для Оттоманской Порты в развитии наших военных сил скорее оплот, нежели какую либо опасность"⁷⁵.

Подчеркивая положительный результат и отличное состояние поселений, Демидов писал: "Тайна такого изумительного результата скрывается в устройстве Русских военных поселений: здесь возникло это войско, которому нигде нет подобного. Многочисленность воинов, превосходная дисциплина их, прекрасное содержание, редкая красота коней, даже воинственный вид, представляемый совокупностью эскадронов, - все свидетельствует о благотворных следствиях этой системы и ее неоспоримом превосходстве". Он не склонен был подробно объяснять устройство поселения, ссылаясь на работы предшественников, и в частности Мармона. А. Н. Демидов ограничился "несколькими словами об основных правилах", на которых они

основаны, показал систему управления поселениями и судопроизводство. "Каждое семейство" в поселении "обязано было давать квартиру и пищу одному кавалеристу". Как правило, в селении расквартировывался один эскадрон. "Сверх того при каждом эскадроне устроили дом для штаба, конюшни, магазин, больницу, школу, церковь. Таким образом, кавалерист был обеспечен во всех отношениях и ему оставалось заботиться лишь о своих служебных обязанностях".

Автор также показал подготовку к службе детей поселян. "Сыновья кавалеристов обучаются в школе, спозаранку привыкают к верховой езде и дисциплине, и двадцати лет поступают во фронт. Из них образуются прекрасные кавалеристы и они большею частью выходят в унтер-офицеры". Поселенный состав округов (поселян-хозяев) Демидов именовал крестьянами. Об их положении он писал: "Благосостояние, каким пользуются эти крестьяне, лучше всего доказывает пользу, приносимую подобными поселениями, и их благотворное влияние на быт крестьян. Земли у крестьян более нежели нужно для прокормления не только самих, но и солдат живущих в их селе; хлеб у них родится в чрезвычайном обилии, скот расплождается изумительным образом. В то же время увеличивается и количество произведений, доставляемых казенными землями, на возделывание которых крестьяне посвящают из девяти рабочих дней только один. За то запасные магазины военных поселений всегда обильно снабжены хлебом и часто из них, в голодные годы, снабжались поселяне соседних губерний". А. Н. Демидов, представляя благоустройство, порядок, инфраструктуру поселений, хорошую организацию военной подготовки, отмечал, как и Мармон, что поселения кавалерии обязаны своим успехам их начальнику Витту. "Хотя не он, - отмечал потомок русских горнозаводчиков, - может быть, придумал план кавалерийских поселений, однако ж, он первый сделал возможным исполнение этого плана. Ему эти поселения обязаны большею частью своим цветущим состоянием. Нельзя описать как много он обнаружил, в продолжении своего двадцатилетнего управления военными поселениями, усердия, энергии, опытности, и других всяких способностей"⁷⁶.

⁷⁴ Записки графа А. Х. Бенкендорфа, с. 743; Военные поселения при графе Витте. Из воспоминаний очевидца. - Древняя и новая Россия, 1880, т. XVII, N 7, с. 502.

⁷⁵ Записки графа А. Х. Бенкендорфа, с. 744.

⁷⁶ Демидов А. Н. Указ. соч., с. 394 - 398.

А. Гакстгаузен посетил поселения кавалерии в начале 40-х годов XIX в. Ему удалось познакомиться с Украинскими поселениями в г. Чугуеве, осмотреть город, побывать в госпитале, в доме поселянина, в церкви, увидеть конюшни, ознакомиться с деловым двором рабочего батальона, где он видел "мастерские всех возможных ремесел вместе - тут были кузнецы, оружейные мастера, делатели орудий, столяры, резчики, седельники, даже живописцы и картины, конечно копии, портреты царя и т.д. указывали на значительную техническую обработку". Далее он сообщал, что со спутниками осматривал "манеж и артиллерийскую школу, где множество детей

упражнялись на деревянных пушках". "Наконец мы отправились на вновь учрежденную земледельческую ферму и земледельческую школу с 32 учениками на той стороне Донца. Мы видели здесь отличное собрание земледельческих орудий... Мы слышали, что крестьяне просили принять в земледельческую школу их сыновей, что и сделано. Между этими крестьянами, уже привыкшими к военной дисциплине, было бы легко ввести скорые и дельные улучшения в хозяйстве, и наблюдать за их действиями. Это военное поселение могло бы стать примером для всего Юга России". Прусский ученый приводил подробные статистические данные по развитию поселений: численный состав военнотружущих дивизий улан и кирасир данного регионального поселения кавалерии; наделение полков земель (от 12 до 25 кв. миль); землевладение поселян; общий численный состав по категориям поселян; развитие скотоводства и земледелия в округах, повинности поселенцев. "Каждому крестьянскому дому, - указывал он в записках, - отрезано раз навсегда по 18 десятин пашни, по 6 десятин в поле, и сенокосов в разных деревнях различно, но не более 6 десятин на двор. Лес на постройку и отопление они получают, сколько нужно, безвозмездно. За это они не несут никаких денежных повинностей, а вместо того каждый двор должен дать у себя постоянное помещение одному не женатому солдату, т.е. квартиру, отопление, освещение и пищу; затем они исполняют известные натуральные повинности: вносят овес в магазин для содержания лошадей, пшеницу и рожь в хлебный магазин, наконец они же несут и подворную повинность при развозке хлеба, при подвозке материалов для построек, починок и т.д. Мне говорили, что в земле кирасирской дивизии, лежащей к юго-востоку, крестьяне не обложены хлебной податью, а просто состоят на барщине. Часть поля не отдана крестьянам и обрабатывается ими, как помещичья земля (общественная запашка. - Т. К.). И крестьяне там богаче, впрочем, у них и земля лучше здешней". Семейный солдат проживал в отдельном доме и провиант ему и семье "выдается из магазинов".

Данные характеристики он приводил по "небольшой статистике" с картами шести округов, подаренной руководством поселения, отмечая достоверность военной статистики. Сравнивая показатели за 1825 и 1843 гг. и определяя динамику по развитию земледелия и скотоводства, он делал вывод, что "хозяйство поселенцев в течение 18 лет возросло в большей степени, нежели в какой увеличилось население, и следовательно тут улучшилось благосостояние не только всей общины, вместе взятой, но и отдельных членов ее. Пространство обрабатываемой земли утроилось, число лошадей увеличилось на 3/8, рабочих волов на 5/7, прочего рабочего скота на 3/7, овец почти на половину"⁷⁷. Детальные хозяйственные описания поселений А. Гакстгаузена позволяли европейцам не только увидеть общие характеристики полковых округов, устройство и внешний вид селений, но и облегчали понимание социально-экономического аспекта и динамики хозяйственного развития этого нового института.

В 1830 г. в парижском "Бюллетене военных наук" была опубликована статья о военных поселениях Российской империи. По замечанию редакции журнала, "данная работа, обязанная своим появлением г-ну начальнику батальона Шамбо, смертельно раненному в Алжире, и г-ну Шабо-Латуру, капитану управления". Статья уточняла и дополняла то, что было известно об этом установлении, и в частности, публикации журнала 1824 - 1828 гг. В публикации нашли отражение различные аспекты разви-

тия российских военных поселений: цели создания ("обеспечить рекрутский набор в армию на местах"), география, устройство и структура пехотных и кавалерийских поселений, численный состав; работа военных поселян, размеры земельных наделов, изменение положения поселян-арендаторов (военных поселян-хозяев), статусное определение и обязанности различных категорий поселян, обучение и подготовка к службе детей поселян-кантонистов; функционирование управленческих структур в поселенных округах, положение офицеров в поселениях; хозяйственная и жилищная инфраструктура в округах поселений, состояние конских заводов в кавалерийских поселениях, социальные гарантии военных поселян. При этом авторы опирались на различные законодательные источники, регламентирующие устройство и развитие военно-поселенных структур, и они отмечали, что "таковы факты, которые мы собрали и за подлинность которых мы ручаемся". По мере представления итогов развития пехотных поселений в статье отмечалось: "Местность изменила свой вид; пустынные и болотистые берега Волхова были осушены, обработаны и заселены. Деревни были построены из дерева, но элегантно и симметрично, поддерживалась чистота, поселенцы, чувствуя себя свободными людьми, бережно обрабатывают землю, являясь в некотором роде ее собственниками, т.к. могут передавать ее своим сыновьям. Они находятся в убежище от грубой и продажной администрации. Грамотные советы улучшают ведение сельских работ. Если случается непредвиденное несчастье, колонист может получить заем и все необходимое, чтобы справиться с собой".

В публикации корреспонденты журнала также постарались дать ответ на вопросы: "Какой может быть возможный рост русских военных поселений в ближайшие годы? Каким может быть их влияние на будущие судьбы России и на спокойствие Европы?", подчеркивая, что они ограничатся "выражением основных соображений". По их мнению, "рост поселений происходит очень медленно из-за расходов, необходимых для их создания". "Следует рассматривать как сильное преувеличение расчеты, исходя из которых прекрасные армии поселенческих солдат через несколько лет окажутся на границах Европы. Вместо того, чтобы вызывать ужас у континентальных государств, поселения должны уменьшить страх, который вызывают военные поселения России". По заключению автора, солдаты-поселенцы, связанные с семьями, деревней и родиной крепче, чем обыкновенные солдаты армии, не будут радоваться так победе, как последние, и у них не будет для этого соответствующей и должной мотивации⁷⁸.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И АВСТРИЙСКИХ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

В 1847 г. в Вене и Париже была опубликована книга К. фон Пидоля цу Квинтенбаха о российских поселениях в сравнительном отношении с австрийской военной границей⁷⁹. Автор построил работу на основе компаративного анализа двух военно-поселенных систем: русской общевойсковой и австрийской пограничной. Он хорошо был знаком с австрийским опытом по работам Мармона, который "провел очень тонкое и умное сравнение между военными поселениями России и пограничными военными районами Австрии"⁸⁰. По его мнению, никто бы лучше Мармона не сумел "уловить

разницу и судить об этих двух видах формирований". Маршал посетил и внимательно

⁷⁸ Des colonies militaires de l'empire de Russie. - Bulletin des sciences militaires, 1830, t. IX, N 8, p. 65 - 85.

⁷⁹ *Carl Freiherrn Y. von Pidoll zu Quintenbach*. Op. cit.; *Karl Freiherrn Y. von Pidoll zu Quintenbach*. Einige Worte über die Russischen militar-Kolonien im vergliche mit der K. -K. Osterreichishen militar-Grenze und mit allgemeinen Betrachtungen darube. Wien, 1847.

⁸⁰ *Carl Freiherrn Y. von Pidoll zu Quintenbach*. Op. cit., p. 32; Voyage de M. le Marechal Duc de Raguse en Hongrie, en Transylvanie, dans la Russie meridionale, en Crimée et sur les bords de la mer d'Azoff; a Constantinople et sur quelques parties de l'Asie mineure, en Syrie, en Palestine et en Egypte, t. 1. Bruxelles, 1841.

стр. 204

"изучил русские военные поселения, командиры которых охотно давали ему объяснения, в которых он нуждался". Одновременно "он прекрасно был осведомлен о военных пограничных районах Австрии, поскольку мог наблюдать их вблизи в то время, когда он был губернатором Иллирии с 1810 по 1813 гг.". Знал Пидоль и работу Р. Лайелля, другие публикации европейской периодики 20 - 30-х годов XIX в. Книга Пидоля стала самым полным исследованием европейцев по поселениям в России в XIX в. Выход ее в свет одновременно в двух столицах Европы свидетельствовал об интересе к поселенным системам как в Австрии, так и во Франции.

Автор сравнительного исследования показал историю российских поселений, их создание, устройство и структуру, географию и численный состав, включая поселения на Кавказе, привел соображения общего характера, дал сравнение российской поселенной системы и австрийской границы по 24 позициям, написал об их успехах, "преимуществах, которые они могли бы представлять". Он замечал, что "основная разница заключается в следующем: в пограничных полках войска обычно смешиваются с населением; в военных поселениях они совершенно разделены". На австрийской военной границе поселена преимущественно пехота, в России - в основном кавалерия. "Пограничные полки, - рассуждал Пидоль, - оплачивают свои повинности частично в виде налога, частично рабочими днями. В военных поселениях, за исключением проживания и питания солдата, что незначительно, единственным налогом на крестьянина является рабочий день". В России император имел в своем распоряжении значительное количество земли, и казна могла извлечь из этого большие выгоды, чем налог. В Австрии отмечался недостаток земли в военной границе, и иметь прибыль за ее счет правительство не могло. В пограничных районах земли были в большинстве неплодородными. Проводя изначально общее сравнение, автор пришел к выводу, "что в каждой из двух стран делается то, что больше соответствует местным условиям и обстоятельствам в то время, когда они были установлены и в тех целях, в которых были предложены". Особенности развития и содержания двух поселенных систем определялись их целями, обусловленными прежде всего геополитическими интересами, местом и временем, а также внутренними потребностями государства, прежде всего бюджетными.

При сравнении двух систем Пидоль видел много общего в том, что поселенные войска двух государств были связаны с определенной территорией и пополнялись за счет ее населения, что они имели сходное военное управление и структуры, в том, что они снабжались "своими силами", давали казне определенную прибыль, имели запасные и резервные фонды на чрезвычайные случаи. Дифференциацию он находил в целях устройства поселений - в Австрии - охрана границы со стороны Турции, в России - возможность быстро двинуть подготовленные войска в нужное место, постоянно концентрируя их "около юго-западной границы"; в первой организации поселенных полков; в том, кто являлся собственником в двух поселениях; в порядке замещения должностей и судьбе хозяев-поселенцев; в налоговых повинностях и обязанностях поселян; объемах общественных работ; способах обмундирования служащих солдат (в России - от казны, в Австрии - от граничарского хозяйства); в наличии "ссудных банков" и капиталов; в местах дислокации поселенных округов; в количестве земельной собственности в поселянском хозяйстве и ее распределении. Жители военной границы Австрии, по его мнению, имели преимущество перед русскими поселенцами, так как могли самостоятельно регулировать свои потребности в земельных ресурсах благодаря некоторой свободе земельного отчуждения. Говоря о времени и скорости достижения цели двумя военными поселениями, Пидоль пришел к заключению: "Очевидно, что в России военная цель этой организации была лучше и быстрее достигнута: т.к. а priori имелись полностью готовые и обученные, хорошо организованные полки, тогда как в Австрии требовалось много времени для превращения крестьян в солдат,

стр. 205

особенно в том случае, если они были вынуждены обрабатывать землю и обеспечивать свое содержание"⁸¹.

В том же году в "Ревю де Дё Монд" вышла статья французского публициста и дипломата И. Дебре "Военные поселения Австрии и России". Автор использовал данные из работы Пидоля, публикации А. Фенеша "Венгерская статистика"⁸² и исследования, произведенные на местах. Публицист отмечал, что "военные поселения Австрии и России с некоторого времени привлекли внимание Франции". Он попытался рассмотреть их в контексте колонизации Алжира и создания поселений на этой африканской границе Франции. "Важно уточнить роль военных институтов, созданных австрийской политикой и царским деспотизмом, для того чтобы предотвратить ошибки". При этом он считал, что они не имеют для Франции "такого же экономического значения", как для этих стран. Дебре дифференцировал две поселенные системы по их целеполаганию: "Австрия устроила поселения на своих границах для своей защиты от непрекращающейся агрессии турок; Россия организовала поселения с целью укрепления своей военной системы, чтобы не обременять новыми расходами свой доход". Австрийские поселения являлись "скорее созданием по необходимости, чем обдуманым решением" и "могут рассматриваться Австрией как экономическое средство рекрутирования для армии". По его мнению, австрийские поселения "могли служить моделью" для России; она "могла изучить австрийские формирования", но "она не собиралась ограничиваться простой имитацией в чистом виде".

Принципы функционирования социумов в двух государствах также влияли на военно-поселенные системы. Различались они и по своим законодательным полям и

механизмам управления. Депре показал географию поселений, структуру поселянского хозяйства двух стран, выделил положительное влияние на благосостояние местного населения, благоустройство территорий, развитие средств коммуникации, включая дороги и т.п., т.е. определил их цивилизационное значение. Говоря о системе поселений в России, он указывал, что в настоящее время она "порочна в своей основе". Выделял он в российских поселениях и негативные моменты. "Моральное принуждение, навязанное законодательством, остается чрезмерным, а свобода - нулевой", "поселенец живет в состоянии постоянного принуждения". Публицист отмечал, что поселения в России "далеки от той степени благоустройства, на которую их хотели поднять", ведь "они начали свое существование только вчера". "Этот институт только начинается; но Восточной Европе надо быть начеку, это в то же время институт, который развивается". У России более смелые планы, и она не ограничится тем, что имеет сейчас, что обусловлено ее успехами в этом веке и амбициями. Российское дворянство, по его представлению, относилось к поселениям "не слишком благосклонно", оно неоднократно представляло их императору "как опасность для самой власти". "Однако трудно представить, - отмечал автор, - что преимущества, предлагаемые правительству военными поселениями, не имели некоторых неудобств". Одновременно Депре считал, что "военные поселения Австрии и России играют свою роль в политике этих двух государств .

* * *

В заключение отметим, что за весь период существования военно-поселенной организации в России интерес к ним со стороны Европы практически не ослабевал, менялись лишь его векторы. На начальном этапе - в 10 - 20-х годов XIX в. - она рассматривалась как существенный фактор внешней политики и усиления военной мощи России, как фактор позволявший обеспечивать военно-политическую доминанту на континенте. Привлекали европейцев также такие аспекты развития системы как целеполагание, масштабы и место дислокации, планы правительства по ее развертыванию

⁸¹ *Carl Freiherrn Y. von Pidoll zu Quintenbach. Op. cit., p. 32 - 57.*

⁸² *Fenyés A. Statistik des Königreichs Ungarn, Bd. 1 - 3. Pest, 1843 - 1849.*

⁸³ *Desprez H. Op. cit., p. 722 - 734.*

и развитию, социальная структура, наличие оппозиционного начала в стране в целом и внутри системы, внутреннее дестабилизирующее политическое начало, будущность российской государственности, степень эффективности ее развития. Европейцы считали, что за образец были взяты Россией австрийские пограничные поселения.

На втором этапе развития данного института - в 30 - 40-х годах XIX в. - появилось стремление оценить его не только с геополитической точки зрения, но и с

цивилизационной. Европейские корреспонденты пытались показать более детально и объективно степень социально-экономического и социокультурного совершенства территорий его развертывания, хозяйственную и военно-административную инфраструктуру, экономическую эффективность, факторы и результаты культурного развития, повседневную жизнь поселений, и одновременно провести некоторые параллели с австрийской военной границей, что стало возможным только при накоплении определенного информационного потенциала и личных визуальных практик и опыта.

Европейцы в основном правильно показали в своих работах систему российских военных поселений, проанализировав ее с различных точек зрения, и выделив ряд аспектов темы - внешнеполитический, военный, внутривнутриполитический, экономический, социальный и культурный. Но даже самые полные и пространные описания отличались некоторым схематизмом и незавершенностью, допускались неточности в характеристиках, делались неверные прогнозы и выводы по перспективам развития военно-поселенной системы, их социальной структуре, значимости для экономики страны, о негативном восприятии всеми социальными группами, сложности адаптации населения к своему новому положению и т.п. Неточности и ошибки в фактографии и оценочных заключениях были обусловлены тем, что иностранные авторы знали военно-поселенную систему больше с внешней стороны, а не изнутри и не могли видеть ее в целом. Они знакомились на месте с поселенными структурами выборочно, а также не были знакомы со всем комплексом законодательных, статистических, отчетных, текущих делопроизводственных и других материалов. Дать репрезентативную и объективную оценку новому явлению русской действительности порой мешала закрытость системы, ее изолированность от других территорий и ограничение доступа к любой информации, ее касавшейся.

В военных поселениях России иностранные авторы увидели реализацию отнюдь не европейских моделей организации вооруженных сил, а поиск собственных путей и форм их развития и воплощение своего видения проблемы, хотя некоторые стороны развития военно-поселенной системы -образцовое хозяйство, хорошо организованный быт, порядок, благоустроенность, уровень подготовки армейских и резервных частей, система образования и медицинского обслуживания и другое - очень импонировали европейским аналитикам. Они отмечали разительные и значительные перемены в социально-экономическом и социокультурном развитии полковых поселенных округов, включая новые формы и элементы хозяйствования и трансформацию ментальности отдельных групп русского общества, которые были вызваны к жизни реализацией на практике проектов российского правительства. Военно-поселенная система в России определялась ими не только как основа формирования хорошо подготовленных вооруженных сил и резервов и геополитический инструмент, но и как значимый фактор культурной цивилизации страны, что способствовало, по их мнению, сближению Европы и России.